

«Неужели не хватит в России, горсточку, подкормить своих?!»: письма жителей блокадного Ленинграда к городской власти*

Владимир Пянкевич

¹Санкт-Петербургский государственный университет,

²Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

***Don't We Have Enough in Russia, a Handful,
to Feed Our Own?! Letters of Citizens to the Authorities
of Besieged Leningrad***

Vladimir Piankevich

¹St Petersburg State University

²St Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article examines written petitions of residents of besieged Leningrad to the city leaders. The author refers to approximately four hundred letters kept in the archival fund of the Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front, as well as evidence of citizens' appeals to the leaders of Leningrad from official documents, diaries, letters of the siege, memoirs, and later interviews. The study makes it possible to identify the needs, interests, aspirations, dissatisfaction, and hopes of many Leningraders. Also, it helps make conclusions about the reasons and purposes of writing petitions, their structure, content, and how the appellants perceived themselves, the situation in the city, and the authorities in the conditions of the siege. The article examines the form, language, and style of letters to the authorities, the types of paper used, and the peculiarities of writing letters. Petitions to the city leaders were not common practice. However, the very appearance of appeals and the content is significant evidence of the situation in

* Citation: Piankevich, V. (2022). *Don't We Have Enough in Russia, a Handful, to Feed Our Own?! Letters of Citizens to the Authorities of Besieged Leningrad*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1138–1153. DOI 10.15826/qr.2022.3.720.

Цитирование: Piankevich V. *Don't We Have Enough in Russia, a Handful, to Feed Our Own?! Letters of Citizens to the Authorities of Besieged Leningrad* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1138–1153. DOI 10.15826/qr.2022.3.720 / Пянкевич В. «Неужели не хватит в России, горсточку, подкормить своих?!»: письма жителей блокадного Ленинграда к городской власти // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1138–1153. DOI 10.15826/qr.2022.3.720.

Leningrad, the moral and psychological state, and the survival strategies of the besieged. Many Leningraders referred to their merits and tried to convince the addressee of their need, understanding the pragmatic attitude of the authorities to the city's population. Often the appeal was a cry for help from a desperate person. Letters from individuals facing the siege alone and dependent's rations received were especially dismal. The inequality that transpired in the conditions of the siege and the difference in nutritional norms caused discontent. The article analyses letters that were particularly critical of workers in the supply and trade spheres, which reflected the sentiments prevalent in the besieged city. Also, the author examines petitions containing proposals, criticism, and accusations against those in power. The article provides the results of the analysis of written appeals from the siege and the dominance and reasons for the authorities' refusal to help. In accordance with their attitudes, ordinary siege survivors were supposed to be victorious heroes but in no way pathetic "moral weaklings" and victims. The author concludes that the letters to the authorities paradoxically combined a commitment to paternalism, a desire to take advantage of the possibilities of the state distribution system, its privileges and benefits on the one hand, and initiative and self-reliance, on the other.

Keywords: Great Patriotic War (1941–1945), Siege of Leningrad, letters to the government, hunger

Анализируются письменные обращения жителей блокадного Ленинграда к руководителям города. Источниковую базу статьи составили около 400 писем блокадников, сохранившиеся в архивном фонде Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта, а также свидетельства об апелляциях горожан к руководителям Ленинграда из официальных документов, дневников, писем периода блокады, воспоминаний и интервью более позднего времени. Исследование позволяет выявить нужды, интересы, стремления, недовольство, надежды многих ленинградцев, судить о причинах, поводах и целях написания обращений, их структуре, содержании и представлениях апеллянтов о себе, ситуации в городе, власти в условиях вражеской осады. Рассматриваются форма, язык, стиль писем во власть, виды бумаги, на которой писали ленинградцы. Апелляции к руководителям города не были распространенной практикой. Однако само их появление и содержание выступают важным свидетельством положения в Ленинграде, морально-психологического состояния и стратегий выживания блокадников. Понимая прагматичное отношение власти к населению города, многие авторы писем сообщали о своих заслугах, стремились убедить адресата в своей нужности. Нередко обращение представляло собой вопль о помощи человека, находившегося в отчаянном положении. Особенно безотрадными были письма блокадников-одиночек, получавших иждивенческие карточки. Отчетливо обнажившееся в условиях блокады неравенство, разница в нормах питания вызывали недовольство. Анализируются особенно критичные по отношению к работникам снабжения и торговли письма, которые отражали распространенные в осажденном городе настроения. Изучены обращения, содержащие пред-

ложения, критику и обвинения в адрес власть имущих. В статье приводятся сведения о результатах рассмотрения письменных обращений блокадников, анализируются превазирование и причины властных отказов в помощи. В соответствии с властными установками обычные блокадники должны были быть героями-победителями, но никак не жалкими, слабыми «моральными дистрофиками» и жертвами. Делается заключение, что письма к властям парадоксальным образом сочетали в себе приверженность патернализму, стремление воспользоваться возможностями государственной системы распределения, ее привилегиями, льготами, с одной стороны, и инициативу, упование на собственные силы – с другой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., блокада Ленинграда, письма во власть, голод

В течение почти всей блокады находившиеся в бедственном положении ленинградцы направляли руководителям города письма. Настоящая статья посвящена анализу таких неофициальных индивидуальных и коллективных обращений блокадников. Основной корпус источников составили около 400 писем, датированных октябрем 1941 – декабрем 1943 гг., сохранившихся в архивном фонде продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта. Кроме того, использовались свидетельства об апелляциях горожан к руководителям Ленинграда из официальных документов, дневников, писем периода блокады, воспоминаний и интервью более позднего времени.

Значительную часть обращений блокадников в продовольственную комиссию опубликовал и прокомментировал Н. А. Ломагин [Ломагин]. К исследованию деятельности этой комиссии обращались Г. Л. Соболев и М. В. Ходяков [Соболев, Ходяков]. Реакцию власти на письма блокадников изучал С. В. Яров [Яров]. Позиции руководства блокадного города, в том числе по отношению к обычным ленинградцам, исследует К. А. Болдовский [Болдовский, 2016; Болдовский, 2020].

Анализ заявлений, просьб, ходатайств блокадников во власть позволяет выявить нужды, стремления, недовольство, надежды многих ленинградцев, судить о причинах, поводах и целях написания обращений, их структуре, содержании, лексике, социальном, возрастном составе адресантов, характере взаимоотношений власти и городского сообщества в катастрофических обстоятельствах осады.

Количество сохранившихся и доступных для изучения писем во власть относительно численности находившихся в осаде ленинградцев невелико. В дневниках, воспоминаниях, интервью сами блокадники редко упоминают о своих обращениях за помощью. Не только потому, что это не было распространенной практикой или из-за отсутствия опыта письменной коммуникации с властями. Многие полагали, что это не имеет смысла. Достучаться до власти решались те, кто полагал, что в силу своих заслуг имеет основания рассчитывать на поддержку. Кроме того, очевидно, обращавшийся за помощью

должен был быть уверен, что не будет наказан за свое ходатайство из-за «сомнительного» социального происхождения, иных «погрешностей» в биографии. В таком случае апелляция к власти была бесполезна или даже опасна. Большинству это просто не приходило в голову. Кроме того, отсутствие или несохранение свидетельств о поддержке, оказанной руководителем блокадного города, могло объясняться последующими событиями. Так, учитель Н. М. Телешова, по свидетельству дочери, из-за «ленинградского дела» никогда не рассказывала о том, что, когда ей грозила смерть от дистрофии, спас ее, отправив в стационар, репрессированный впоследствии председатель Ленгорисполкома П. С. Попков [Телешова, с. 147].

Письма во власть ленинградцы писали ручкой, реже – карандашом, еще реже – на пишущей машинке, на самой разной бумаге. Это могли быть лист белой или желтоватой, иногда оберточной бумаги, часто линованная страница из школьной тетради или часть тетрадного листа, оборотная сторона хозяйственной ведомости, именная бумага для писем и т. д. Среди авторов писем были люди разного достатка, социального положения и образованности. Одни умоляли робко и безуспешно, другие писали настойчиво, неоднократно напоминали о себе, порой добиваясь желаемого. Иногда апеллиант писал не вполне грамотно, просторечным языком или имитируя его. Анонимное послание могло быть написано печатными буквами. Направленные ключевым чиновникам городской власти, письма были весьма эмоциональны, нередко исповедальны. Уже в приветствии могла присутствовать не терпящая отлагательств просьба. Некоторые письма, направленные руководителям города, перепечатывались, очевидно, для удобства чтения.

В начале писем обычно выражалось отношение к адресату. Обращаясь к первому секретарю горкома и обкома ВКП(б) А. А. Жданову, одни писали стандартно: «Глубокоуважаемый Андрей Александрович!» Или лапидарно и незамысловато: «Товарищ Жданов, прошу Вас...», «Тов. Жданову от...». Другие не скупилась на лесть и похвалу, наделяя адресата качествами, которые, как представлялось апеллианту, давали надежду на исполнение просьбы: «добрейший», «чуткий, отзывчивый человек», «вождь, руководитель и защитник нас – ленинградцев», «добрый сердечный человек, умеющий чутко отнестись к горю и несчастью гражданина и непременно найти пути к спасению человеческой жизни», «друг и защитник всех трудящихся ленинградцев», «уважаемый и любимый вождь нашего города Ленина», «депутат трудящихся, избранник народа и слуга его», который «действительно находится в самой толще народа», «отец всех ленинградцев» [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 22. Л. 94; Д. 60. Л. 6, 6 об, 10, 118, 118 об.]. Обращались к человеку, который «повседневно заботится о благополучии кадров научных работников», «сочувственно относится к работникам науки и искусства», «заботится о процветании культуры» [Там же. Д. 18. Л. 31; Д. 22. Л. 94; Д. 34. Л. 34.]. Иногда просители использовали клише властного дискурса, ссылались на мнение верхов-

ного вождя или директивные партийные документы о необходимости проявления заботы о людях [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 18. Л. 22; Д. 25. Л. 77.]. Рефреном в письмах блокадников звучит мысль о безусловной способности власть имущего решить проблему. В конце текста письма нередко указывался домашний адрес автора, иногда с подробным описанием пути к нему.

Главная причина письменных обращений к власти имущим была одна – острая нехватка еды и угроза голодной смерти, но поводы были разными. Апеллировать побуждали смерть близких, одиночество, нездоровье, обида, отсутствие поддержки со стороны своего предприятия, учреждения, коллег, стремление восстановить справедливость и получить положенное по карточкам, исчерпание всех ресурсов, например, вещей для обмена и продажи на рынке, или же их полное отсутствие.

Квартиру мою разбомбило. Мы с женой так и остались жить у дочери как не имеющие своей жилплощади и вообще нищие. Ходил в консерваторию 14 км, упал от истощения на улице. Пока я был в стационаре, умер мой зять 34 лет, оставив трех детей 3, 6 и 8 лет и безработную жену – нашу дочь, у среднего внука началась цинга. Заболела моя дочь. У жены грудная жаба и бронхиальная астма.

У меня развилась цинга, и открылась язва на ступне ноги, и я слег в постель...

Я... заболел кровавым поносом... после чего привязалась цинга, и теперь... не могу ходить.

Пролежал от истощения в жесточайшей дистрофии три месяца без дров, света, воды, голодая с семьей в 5 человек.

Я так проголодался, что тело все время судорожно сводит... Я тень того человека, который был до осады.

Я считаю себя глубоко и незаслуженно обиженной и обращаюсь... за помощью и справедливостью...

Я прошу Вас внушить моим товарищам, которые, быть может, захотят мне [помочь], не медлить...

[ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 22. Л. 94, 101; Д. 25. Л. 98, 99; Д. 26. Л. 21; Д. 34. Л. 13, 14; Д. 65. Л. 3; Блокадные записи И. А. Гриневской, с. 359].

Иногда обращение представляло собой не просто просьбу, но вопль о помощи:

Прошу Вас спасти моих детей от голодной смерти, т. к. один из них погиб, трое же в пути к этому. <...> Спасите детей, дайте хлеба.

Мы с женою накануне смерти, спасите нас!

Погибаю от голода... Живу одной надеждой на Вашу помощь...

Не дайте погибнуть и мне.

[ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 149. Л. 19, 19 об ЦГАИПД СПб.; Ф. 4000. Оп. 20. Д. 28. Л. 49, 50; Д. 60. Л. 33, 118, 118 об.].

Апелляции ленинградцев были вызваны безвыходностью ситуации, хотя уровень притязаний был разным. Иногда обращение содержало очевидно трудновыполнимые требования. В письмах-ходатайствах некоторых представителей партийной и советской номенклатуры содержались просьбы о выделении продуктов, о которых обычные горожане могли только мечтать [Ломагин, с. 19, 20].

Поводами к написанию писем становились успешный опыт обращения за помощью коллеги, сослуживца, совет знакомого, соседа. Более того, в условиях острейшего голода и огромной смертности информация о возможности получения поддержки быстро становилась известна многим. Когда по специальному распоряжению Продовольственной комиссии к «спецмагазину» были прикреплены 20 ведущих ученых Ленинградского университета, весть о получении «академического пайка» быстро распространилась в научной среде, и в Смольный усилился поток писем с просьбами об оказании продовольственной помощи [Соболев, с. 74]. Авторами неформальных письменных апелляций выступали как отдельные блокадники, так и группы горожан. Чаще других с ходатайствами обращались актеры, художники, литераторы, ученые, учителя, преподаватели вузов.

Убедить власть имущего в благонадежности, а главное, полезности просителя, помочь завоевать благосклонное отношение адресата была призвана автобиографическая часть письма-просьбы. Как правило, такая автопрезентация следовала сразу за обращением к адресату. Описывая свои заслуги перед партией, государством, искусством, наукой, литературой, адресанты стремились предстать в наиболее благоприятном, по их мнению, свете.

Мною выполнены крупные труды для советского искусства, а именно: классические гравюры товарищей Ленина, Сталина и других вождей размерами больше натуральной величины [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 18. Л. 31].

Я являюсь живым памятником бывшего Александринского театра, ныне им. Пушкина [Там же. Д. 60. Л. 41, 41 об.].

Я имею более 50 научных работ... из них 5 монографий, некоторые из которых переведены на иностранные языки [ЦГАИПД. Д. 34. Л. 13, 14].

Я являюсь признанным главой противораковой борьбы в Союзе, широко известным и в остальной Европе... и в Америке [Ломагин, с. 301].

Я был назначен главным художником советских павильонов на международных выставках в Париже, Нью-Йорке в 1939 г. [ЦГАИПД. Д. 60. Л. 115].

Значительную группу авторов писем составляли участники революции, Гражданской войны, бывшие сотрудники партийно-государственного аппарата. Основываясь на своем опыте понимания значения безупречной биографии, пожилые члены ВКП(б) приводили сведения, призванные убедить оказать помощь (большой партийный стаж, «участие в революции»,

«занятие ответственных должностей», «проведение большой политической, государственной и общественной работы», «борьба с эпидемией» и т. д.) [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 13. Л. 20, 21; Д. 25. Л. 74; Д. 60. Л. 10, 48; Д. 65. Л. 37, 37 об.].

Я являлась хозяйкой конспиративной квартиры, в которой происходило историческое предоктябрьское совещание Ленина – Сталина [Там же. Д. 25. Л. 76].

Я жена Героя СССР, вместе с мужем была в Чапаевской дивизии, и, будучи значительно старше его, воспитала его таким... Была преследуема деникинцами, бита, насилowana и брошена в тюрьму в Полтаве, где и подорвала свое здоровье [Там же. Л. 83].

Среди ходатаев было немало находившихся на пенсии учителей и преподавателей вузов, которые писали о своих педагогических заслугах. Обращения были также одной из немногих форм изложенной на бумаге рефлексии людей, не принадлежавших к книжно-письменной культуре.

Действенным, по мнению некоторых ходатаев, способом получения помощи было обращение за поддержкой и покровительством к обладавшему властью давнему знакомому, земляку, коллеге, ученику. Общее прошлое, некогда оказанная услуга должны были обеспечить коммуникации необходимую приватность и эмоциональность. «Мне приходилось услуживать и хлопотать, чтобы было хорошо посмотреть спектакль и также Вам и Вашим семьям» [Там же. Д. 60. Л. 69, 69 об.]. В критической ситуации после кражи карточек, по воспоминаниям дочери Е. Н. Николаевой, «старой знакомой» начальника отдела торговли Ленгорисполкома И. А. Андреевко, последний «помог... то ли дал талоны в столовую, то ли пачку галет, которую вынул из своего стола... спас от голодной смерти» [Николаев, с. 315].

Блокадников потрясала реальность и неотвратимость смерти от голода. Жители города, ставшего впоследствии символом массовой гибели от недостатка пищи, не могли, не хотели даже представить для себя такой судьбы. Шокировал трагический контраст между образом огромного прекрасного революционного, героически сражающегося Ленинграда и невообразимостью такой собственной смерти.

Да, – голод ужасная вещь! И это не в какой-нибудь глуши – где, может быть, некому помочь, но здесь, в центре, в лучшем культурном социалистическом городе, среди родных и знакомых! [«Мы сделались дружнее, мудрее, очищенные этим страданием», с. 420].

Какой-то бред – умереть от голода [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 28. Л. 49].

Пораженные скорой, практически неизбежной гибелью, многие ленинградцы задавали руководителям города вопросы, которые начинались с одного и того же слова.

Неужели я должна голодать на 2-й категории [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 93. Л. 45 об.].

Неужели я, работая в городе Ленина, не заслужил себе кусок хлеба, который от меня отняли? [Там же. Д. 60. Л. 10].

Неужели не хватит в России, горсточку, подкормить своих?! [Там же. Д. 93. Л. 51].

Многие ходатаи осознавали прагматичность и утилитарное отношение власти к горожанам и поэтому стремились убедить адресата в своей нужности и ценности. После перечисления заслуг блокадники нередко писали о необходимости или угрозе невозможности продолжения своей работы, желании и готовности трудиться на благо государства, отказе от эвакуации из блокированного города, стремлении дожить до победоносного окончания войны. Об этом писали хирург Н. Н. Павлов, художники Н. М. Суетин и А. А. Лепорская, преподаватель математики Г. Д. Рыбалко, инженер Н. Т. Прокофьев, ветеран партии И. И. Вихляев, профессор зоологии Б. Н. Шванвич, певец В. И. Касторский, доктор исторических наук И. И. Любименко, режиссер, актер А. П. Пантелеев, сотрудник Горного института Н. А. Елисеев, художник Г. Д. Зимин, скульптор Я. А. Троупянский, литераторы И. Г. Звездич и И. А. Гриневская и другие [Там же. Д. 13. Л. 70, 86, 123, 163; Д. 18. Л. 112; Д. 25. Л. 4, 37; Д. 35. Л. 4 об; Д. 40. 35; Д. 60. Л. 25, 26, 32, 32 об; 35, 35 об, 115, 119; Д. 65. Л. 37, 37 об; Изабелла Аркадьевна Гриневская: блокадная повседневность, с. 271]. Голодные люди уверяли, что «еще могут пригодиться», в состоянии продолжать приносить пользу государству, обязывались отработать оказанную поддержку.

Мне 39 лет, и я еще смогу дать много пользы советской власти» [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 18. Л. 40].

Мои годы не так стары – 46 лет, я еще могла быть полезной государству [Там же. Л. 35].

Поддержите меня, я еще могу быть полезной в искусстве [Там же. Д. 60. Л. 41 об.].

Я скажу про себя: дайте мне изжить дистрофию, и я, как говорят, сворочу горы [Там же. Д. 25. Л. 100].

Понесенные государством расходы по восстановлению моего физического состояния я надеюсь и обязуюсь своей дальнейшей работой оправдать [Там же. Д. 38. Л. 80, 80 об.].

Автор неподписанного письма убеждал: «Ведь если не будет нас, то и восстанавливать после разгрома врага город, государство будет некому» [Там же. Д. 98. Л. 54].

Иногда, полагая, что собственных заслуг для получения властной поддержки недостаточно, ходатаи представлялись в качестве жен, матерей, отцов фронтовиков.

Я сумела вырастить 8 сыновей и 4-х дочерей, мужа которых на войне. Я имею 22 внука, из которых 4 на войне, и 6 правнуков. <...> Не откажите мне помочь в питании за моих сыновей, что дала я советской власти, и тем самым дожить до победы [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 27. Л. 71].

Еще одну группу обращающихся к властям за помощью составляли жены и дети известных людей. Среди авторов писем были вдовы полярного исследователя Г. Я. Седова и академика И. П. Павлова, дочери писателя К. М. Станюкевича, академиков А. П. Карпинского и В. М. Бехтерева, русского генерала М. Г. Черняева [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 33. Л. 14; Д. 69. Л. 28, 28 об.; Ломагин, с. 298, 303, 304, 322, 336, 355]. Просили оказать поддержку родственники высокопоставленных чиновников.

Оказываясь в городе, ленинградцы-фронтовики нередко находили свои семьи в бедственном состоянии. Специально откомандированный с фронта старший лейтенант П. Д. Григорьев писал в Продовольственную комиссию:

Жена больна на протяжении трех месяцев. Цинга, ноги скрючены, все зубы выпали, крайне истощена, ее подобрали на улице, и она проживала... без всякой помощи до моего приезда. Голая. Обкрадена – все вещи утащены. Сына (1 год и 3 месяца) определили в Педиатрический институт на излечение – состояние ребенка крайне тяжелое, дочь в интернате, мать похоронил [ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 150. Л. 6].

Чаще всего за помощью к властям обращались горожане, получавшие продовольственные карточки иждивенцев и служащих. Обладатели, как говорили сами блокадники, «изможденческих» карточек (с осени 1941 г. до весны 1942 г. – почти половина населения города [Черепенина, с. 44]) обычно просили выдать рабочую карточку. Последняя, как считали очень многие ходатаи, была верным средством избежать голодной смерти, хотя в действительности это не гарантировало выживания. Педагоги-пенсииерки Е. Рудакова и Прокошева жаловались А. А. Жданову:

Мы, «иждивенцы», третья категория жителей Ленинграда, мучительно голодаем. Жить нам недолго, но эта смерть от голодного истощения слишком тяжела, а ведь и мы в свое время отдали все силы и здоровье государству и честно трудились. <...> Мы умираем пачками, а перед смертью еще долго и мучительно страдаем [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 177, 177 об.].

Иждивенцы завидовали получателям рабочих карточек. Однако недовольство могло возникать и среди горожан, находившихся в одном статусе. Например, обладатели иждивенческих карточек, одинокие пенсионеры, положение которых было особенно отчаянным и безотрадным, могли завидовать, противопоставлять себя иждивен-

цам, окруженным близкими людьми [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 25. Л. 77; Д. 60. Л. 173 об.]. Человек, остававшийся без родственной или дружеской поддержки и дополнительных источников питания, не имел шансов выжить и, как правило, погибал.

Семьи у меня нет. А отсюда и ждать [помощи] не от кого [Там же. Д. 93. Л. 47].

Мы, одиночки, обречены на голод... Чем мы заслужили такое отношение к себе? <...> Мы, старики, хотя не приносим пользы отечеству, но ведь в том, что мы существуем, не виноваты [Там же. Д. 26. Л. 83, 84].

Шансов на выживание у людей семейных действительно было больше, чем у одиноких, что, впрочем, в значительной мере зависело от характера внутрисемейных отношений, нередко не выдерживавших испытаний осады. В посланиях ленинградцев шла речь о еще одной уязвимой категории горожан – детях. Упрекая власть за чуть более высокие нормы снабжения детей до 12 лет, отчаявшаяся мать умиравшего от голода подростка писала: «Кто дороже для государства? Вновь рожденный, годовалый, пятилетний или 12 лет и выше?» [Там же. Д. 18. Л. 22]. Сами подростки обращались за помощью, используя клише властного дискурса. 12 учеников-выпускников подписали просьбу разрешить выдать учащимся десятых классов продовольственные карточки первой категории: «Наши знания, полученные в десятилетке, дадут возможность плодотворно трудиться для блага нашей страны во имя победы» [Там же. Д. 37. Л. 66].

Голод, холод, нездоровье, преклонный возраст, одиночество и нестерпимое желание выговориться становились причинами появления в обращениях блокадников просьб о личной встрече с руководителем города, хотя для обычного блокадника это было практически нереально. В конце января 1942 г., когда из-за отсутствия электроэнергии остановились хлебозаводы, в городе появился слух о том, что «тысячные делегации голодающих ходили в Смольный» [Островская, с. 224]. Возникновение такой молвы так же, как и содержание некоторых писем во власть, свидетельствует о том, что многие ленинградцы полагали, что руководители плохо осведомлены о реальной ситуации в городе. 23 февраля 1942 г. 19 ленинградцев, получавших иждивенческие карточки, попытались лично встретиться с И. А. Андреенко. Однако в бюро пропусков Смольного ходатаям «посоветовали изложить все на бумаге». В письме на красноватой оберточной бумаге говорилось:

Нам, ленинградцам, очень трудно переживать то, что мы уже пережили. Мы сильно истощены, а поэтому просим прибавить хлеба и отметить этот день – выдайте нам сахару, рыбы, что возможно, чтобы нам подкрепиться [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 77, 77 об.].

Особую группу составляли письма, авторы которых не просили ничего лично для себя, но ради общественного блага предъявляли претензии к согражданам, призывая, а порой и требуя от власти принять меры. Так, красноармеец Аликиев призывал прекратить выдачу в домохозяйствах, учреждениях и на промышленных предприятиях продовольственных карточек на командированных военных, а уехавшая из Ленинграда А. П. Шадрина предлагала реквизировать запасы продуктов питания у эвакуирующихся [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 13. Л. 5; Д. 60. Л. 50].

Авторы писем во власть были особенно критичны по отношению к работникам снабжения и торговли, многие из которых разительно отличались от большинства истощенных и неважно одетых горожан. Блокадники просили «обратить внимание на воровство в столовых», «усилить общественный контроль за завмагами и зав. столовыми», призывали наказать виновных [Там же. Д. 13. Л. 5–5 об.]. Социальное соперничество, неприязнь, враждебность проявились в чрезвычайно эмоциональных письмах «артистки эстрады» Е. А. Старк-Гаусской, направленных начальнику отдела торговли Ленгорисполкома:

Ваших работников торговой сети рожки красные и сытые, как клеймо Каина! И справки не надо, где служит – либо в столовой, либо в булочной, либо в магазине или очаге! Почему мне нет такого счастья! Эти бабы-воровки без стыда и чести спасутся, а мы, интеллигентки и ученые, погибнем. А ведь мы-то честные. <...> Вешайте, бейте этих воровок. Они уже озолотели [Там же. Д. 60. Л. 92, 92 об.].

Крайне тяжелое положение, в котором оказалось большинство горожан, порождало и недовольство властью. Критические, как правило, анонимные послания появились в ноябре 1941 г. и продолжали поступать до июля 1943 г. Горожане писали о заступничестве родственников-фронтовиков, которые, возвратившись в родной город, ужаснутся положению своих близких, и грозили обратиться к Сталину. На листке зеленой оберточной бумаги написано:

Что же это такое? Нас матерей и жен оказывается кормить не надо. <...> И не стыдно это властям! <...> Или у тебя т. Жданов ни жана, ни мать твои не голодуют, так ты про нас то несчастных иждивенок и знать не хочишь. Ну что же, придуть сыновья и мужья наши с фронту все увидуть как мучаются их женщины иждивенки (орфография и стиль оригинала сохранены. – В. П.) [Там же. Д. 60. Л. 183, 183 об.].

Кто-то грозил чиновнику «судом истории» [Там же. Д. 13. Л. 21, 60, 93]. Некоторые горожане упрекали власть в несоответствии официальных радиосообщений о том, что в город «идут эшелоны с продовольствием, рыба, масло, сахар, кондитерские изделия и прочее»,

и реального положения, в котором находились обычные блокадники-иждивенцы:

...Мы, ленинградцы, видим только сыр, лежащий и сохнувший в кладовых магазинах, и он не выдается только потому, что не объявлена норма. Ленинград кругом в воде, а никакой рыбы никто не видит [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 119, 111].

А. Иванова информировала А. А. Жданова о том, что продукты, которые, согласно и официальным сообщениям, и по слухам, в большом количестве направляются в город, детям не выдают, но одновременно по фантастическим ценам продают на рынках [Там же. Д. 60. Л. 141, 142].

Блокадникам явно недоставало и информации о состоянии дел с продовольствием в городе. Слухи давали надежду на улучшение положения, однако горожанам хотелось знать об этом именно из официальных источников, от руководителей города.

Выступите с речью по радио о продовольственном положении и нормах снабжения... Этот вопрос интересует всех жителей города, он является основным [Там же. Д. 60. Л. 174, 175].

Прось, даже требуя ответить на мучительный и важнейший вопрос, автор анонимного письма, как и многие блокадники, по сути, ждал только одного отклика: скоро положение улучшится!

Результатом рассмотрения обращений могло быть оказание продовольственной поддержки, но чаще ответ был отрицательным. Отказ определялся не только реальным отсутствием ресурсов, но и тем, что адресат не считал просьбу состоятельной, а положение просителя критическим. Кроме того, власть, видимо, исходила из того, что большое количество положительных решений спровоцирует непредсказуемый рост числа обращений других ходатаев. Когда же принималось положительное решение, власть обычно могла помочь немногим: 200–250 г крупы, сахара, по банке сгущенного молока и мясных консервов и т. д. Принятие решения об оказании помощи определялось, помимо полезности, настойчивости ходатая, его известностью, а также личными предпочтениями или опасениями власть имущего. По решению продовольственной комиссии в список лиц, получающих академический паек, была включена вдова полярного исследователя В. В. Седова, но одновременно в этом было отказано женам академиков Белопольской, Ивановой, Вебер, Щербатской [Там же. Д. 25. Л. 3, 6]. Лишь упорство и находчивость в письменном общении с городскими чиновниками позволили получить продовольственную поддержку академику И. Ю. Крачковскому [Яров, с. 419, 420]. Впрочем, оказание помощи не обязательно вело к спасению, а некоторые деятели культуры и искусства Ленинграда выжили, несмотря на то, что не были поддержаны.

Ресурсов для оказания поддержки просителям у власти было немного. Кроме того, продолжали действовать вполне определенные нормы и порядок их предоставления. В помощи отказывали на том основании, что должность ходатая не входила в номенклатуру должностей руководящих работников или автор письма «ошибочно понимал вопрос дифференцированного снабжения трудящихся» [ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 169. Л. 80]. Власть проводила очень консервативную линию, отказывая в удовлетворении подавляющего большинства просьб о дополнительном питании, по-видимому, руководствуясь принципом «лучше кому-то не дать, чем дать по ошибке» [Ломагин, с. 21]. Продовольственная диктатура Смольного была ориентирована в первую очередь на поддержку тех социальных и профессиональных групп населения, от которых зависела судьба осажденного города [Соболев, Ходяков, с. 17].

За январь – ноябрь 1943 г. продовольственная комиссия Военного совета Ленинградского фронта приняла 104 разрешительных решения, в 252 случаях заявители получили отказы [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 63. Л. 1–7; Д. 65. Л. 47, 57; Д. 66. Л. 1–5а, 69, 84; Д. 67. Л. 1–5; Д. 68. Л. 1–3; Д. 69. Л. 160–167]. Таким образом, после прорыва блокады, в период, когда численность населения резко уменьшилась, а положение в городе было значительно лучше, чем в 1941–1942 гг., более 70 % решений продовольственной комиссии содержали отказ в помощи. Отношение руководителей города к просителям, голодающим согражданам, определялось нетерпимостью к «слабовольным» и голодным. «Слабость» раздражала. Второй секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов предлагал «выкинуть это слово из нашего лексикона, чтобы его не было» [Болдовский, 2016, с. 70]. В соответствии с властными установками советский человек, ленинградец, должен был быть героем-победителем, но никак не жалким, слабым «моральным дистрофиком» и жертвой. Руководители блокадного Ленинграда были озабочены прежде всего задачами обороны города, промышленного производства в интересах фронта. Власть удручала не глубина трагедии блокады, а невозможность быстро исправить последствия. Хорошее, вплоть до мелких деталей, знание фактического состояния «неживого» хозяйства города сочеталось с сознательным нежеланием понимать истинное состояние живых ленинградцев, «рабсилы», как часто звучало в выступлениях руководства [Сапронов, Черепенина, с. 17]. Население рассматривалось как значительный материальный ресурс в системе промышленного производства и городского хозяйства. От истощенных людей стремились добиться максимальной трудовой отдачи, несмотря на сложность блокадной ситуации [Болдовский, 2020, с. 203].

У обычных блокадников волокита, незнание и неготовность решать их проблемы вызывали раздражение и протест. Певец П. Я. Курзнер писал А. А. Жданову:

Уже давно надо было разбить нас на категории «достойных» и «недостойных», и одних осчастливить, а другим прямо и честно отказать, а не заставляя ждать, надеяться, тянуть и тянуть [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 22. Л. 101, 102].

Блокадник, по сути, возлагал ответственность за свою возможную будущую смерть на власть.

Доказывая свою нужность государству, автор письма стремился не оказаться лишним в прямом и переносном смысле. Деятели культуры, искусства, науки, бывшие руководители чаще писали о себе, своей работе, иногда – о семье. Простые, порой малообразованные горожане обычно выступали как представители определенных социальных, возрастных, профессиональных групп. Среди обращавшихся за помощью были люди разного возраста, в том числе едва научившиеся писать дети, старшеклассники, но превалировали пожилые.

Ленинградцы предпочитали обращаться не в безличные властные инстанции, а к конкретным руководителям города, чьи имена были на слуху. Знакомый по официальной информации, иным источникам руководитель мог, должен был помочь. Надежда и апеллирование к доброму и отзывчивому вождю, администратору отражали представления об эффективной форме ходатайства. Более того, ленинградцы, часто интуитивно, понимали приоритетность персоны над институтами и нормами. Это было тем более важно, что, обращаясь за помощью, ходатай нередко просил обойти формальные правила распределения.

Динамика и численность обращений соответствовали периодам и масштабам тягот осады. Если объем помощи был для просителей важен, то срок ее предоставления был судьбоносен. Промедление означало голодную смерть. Часть в абсолютном большинстве анонимных писем содержала не просьбы, но требования, обвинения и даже угрозы ленинградским руководителям и одновременно была пронизана безусловной надеждой на верховную власть. Письма к властям парадоксальным образом сочетали в себе приверженность патернализму, стремление воспользоваться возможностями государственной системы распределения, ее привилегиями, льготами, с одной стороны, и инициативу, упование на собственные силы – с другой. Обращаясь к власти, человек просил защитить право на жизнь, веря в сочувствие и участие в своей судьбе, хотя блокадники все чаще понимали, что надеяться надо прежде всего и только на себя.

Список литературы

Блокадные записи И. А. Гриневской / публ. Е. В. Виноградовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год : Блокадные дневники / [отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. С. 349–371.

Болдовский К. А. Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2016. Вып. 2. С. 61–73.

Болдовский К. А. Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 201–215. DOI 10.24411/2311-603X-2020-00063.

Изабелла Аркадьевна Гриневская: блокадная повседневность / предисл., публ. и прим. Е. В. Леоненко // Запечатленная Победа: ключевые образы, концепты, идеологемы: (Литературные события и феномены XX века): материалы междунар. конф., посв. 70-летию окончания Второй мировой войны, Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2015 г. СПб.; Воронеж: ИП Алейникова О. Ю., 2016. С. 262–301.

Ломажин Н. А. В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб.: Аврора-Дизайн, 2014. 360 с.

«Мы сделали дружнее, мудрее, очищенные этим страданием»: Дневник художника С. В. Ганкевича (январь–март 1942 г.) / публ. Б. Ф. Егорова и А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники / [отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 397–455.

Николаев А. Б. Блокада Ленинграда по материалам семейного архива // Великая Отечественная война в памяти поколений: сб. науч. тр. / под ред. В. П. Соломина, В. А. Рабоша, А. В. Воронцова; сост. А. Б. Николаев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 311–315.

Островская С. К. Блокадные дневники // Русское прошлое: ист.-док. альм. Кн. 10 / гл. ред. А. В. Терещук. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, филол. ф-т, 2006. С. 191–322.

Сапронов И. М., Черепенина Н. Ю. Введение // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 г.: сб. док. ЦГА СПб. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. С. 6–20.

Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: в 3 кн. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. Кн. 3. Январь 1943 – январь 1944. 747 с.

Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–21.

Телешова К. Н. Первая седая прядь // Блокада глазами очевидцев: Дневники и воспоминания. Кн. 5 / сост. С. Е. Глезеров. СПб.: Остров, 2017. С. 144–151.

ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 149, 150.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 169; Ф. 4000. Оп. 20. Д. 13, 18, 22, 25–28, 33–35, 37, 38, 40, 60, 63, 65–69, 93.

Черепенина Н. Ю. Голод и смерть в блокированном городе // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: историко-медицинский аспект / под ред. Дж. Д. Барбера и А. Р. Дзенискевича. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 35–80.

Яров С. В. Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.; СПб.: Центрполиграф: Рус. тройка, 2012. 602 с.

References

Boldovskii, K. A. (2016). Gorkom VKP(b) i sistema upravleniya Leningradom v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny [City Committee of the CPSU (b) and the Leningrad Command and Control System at the Beginning of World War II]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*. Iss. 2, pp. 61–73.

Boldovskii, K. A. (2020). Partiinyi apparat Leningrada kak element upravlencheskoi struktury goroda perioda blokady [Leningrad Party Apparatus during the Blockade: The Key Element of the City Management System]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 3 (27), pp. 201–215. DOI 10.24411/2311-603X-2020-00063.

Cherepenina, N. Yu. (2001). Golod i smert' v blokirovannom gorode [Hunger and Death in a Sieged City]. In Barber, J. D., Dzenishevich, A. R. (Eds.). *Zhizn' i smert' v blokirovannom Leningrade: istoriko-meditsinskii aspekt*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 35–80.

Egorov, B. F., Dmitriev, A. P. (Publ.). (2015). “My sdelalis' druzhnee, mudree, ochishchennye etim stradaniem”. *Dnevnik khudozhnika S. V. Gankevicha (yanvar'-mart*

1942 г.) ["We Have Become Friendlier, Wiser, Cleansed by This Suffering". Diary of the Artist S. V. Gankevich (January – March 1942)]. In Tsar'kova, T. S., Prozorova, N. A. (Eds.). *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god. Blokadnye dnevniki*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 397–455.

Leonenko, E. V. (Publ.). (2016). Izabella Arkad'evna Grinevskaya: blokadnaya povsednevnost' [Isabella Arkadievna Grinevskaya: Blockade Everyday Life]. In *Zapechatlennaya Pobeda: klyuchevye obrazy, kontsepty, ideologemy. (Literaturnye sobytiya i fenomeny XX veka). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu okonchaniya Vtoroi mirovoi voyny, Sankt-Peterburg, 29–30 aprelya 2015 g.* St Petersburg, Voronezh, IP Aleinikova O. Yu., pp. 262–301.

Lomagin, N. A. (2014). *V tiskakh goloda. Blokada Leningrada v dokumentakh germanskikh spetssluzhzb, NKVD i pis'makh leningradtsev* [In the Grip of Hunger. The Siege of Leningrad in the Documents of the German Special Services, the NKVD, and Letters of Leningraders]. St Petersburg, Avrora-Dizain. 360 p.

Nikolaev, A. B. (2015). Blokada Leningrada po materialam semeinogo arkhiva [The Siege of Leningrad Based on the Materials of the Family Archive]. In Solomin, V. P., Rabosh, V. A., Vorontsov, A. V., Nikolaev, A. B. (Eds.). *Velikaya Otechestvennaya voyna v pamyati pokolenii. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena, pp. 311–315.

Ostrovskaya, S. K. (2006). Blokadnye dnevniki [Siege Diaries]. In *Russkoe proshloe. Istoriko-dokumental'nyi al'manakh*. St Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, filologicheskii fakul'tet. Book 10, pp. 191–322.

Sapronov, I. M., Cherepenina, N. Yu. (2017). Vvedenie [Introduction]. In *Stenogrammy zasedanii ispolkoma Leningradskogo gorodskogo soveta. Zapisi obsuzhdenii, zamechanii k proektam, resheniya, noyabr' 1941 – dekabr' 1942 g. Sbornik dokumentov*. TsGA SPb. St Petersburg, Art-Ekspress, pp. 6–20.

Sobolev, G. L. (2017). *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade v 3 kn.* [Leningrad in the Struggle for Survival in the Siege. 3 Books]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Book 3. Yanvar' 1943 – yanvar' 1944. 747 p.

Sobolev, G. L., Hodjakov, M. V. (2016). Prodovol'stvennaya komissiya Voennogo Soveta Leningradskogo fronta v 1942 g. [Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front in 1942]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 1, pp. 8–21.

Teleshova, K. N. (2017). Pervaya sedaya pryad' [The First Strand of Grey Hair]. In Glezerov, S. E. (Ed.). *Blokada glazami ochevidtsev. Dnevniki i vospominaniya*. Book 5. St Petersburg, Ostrov, pp. 144–151.

TsGA SPb [Central State Archive of St Petersburg]. Stock 7082. List 2. Dos. 149, 150.

TsGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St Petersburg]. Stock 25. List 15. Dos. 169; Stock 4000. List 20 Dos. 13, 18, 22, 25–28, 33–35, 37, 38, 40, 60, 63, 65–69, 93.

Vinogradova, E. V. (Publ.). (2015). Blokadnye zapisi I. A. Grinevskoi [Blockade Records of I. A. Grinevskaya]. In Tsar'kova, T. S., Prozorova, N. A. (Eds.). *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god. Blokadnye dnevniki*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 349–371.

Yarov, S. V. (2012). *Blokadnaya etika. Predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Blockade Ethics. Representations of Morality in Leningrad in 1941–1942.] Moscow, St Petersburg, Tsentrpoligraf, Russkaya troika. 602 p.

The article was submitted on 18.07.2020